

© 2008 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (Москва, 25–27 сентября 2007 г.)

25–27 сентября 2007 г. в Москве проходила Международная конференция «Античность и современность», посвященная памяти выдающихся французских историков Жан-Пьера Вернана (1914–2007) и Пьера Видаль-Накэ (1930–2006). Организаторами конференции выступили Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук и Отдел древней истории Института всеобщей истории РАН, поддержку и помощь организаторам оказали Президиум РАН и Институт научной информации по общественным наукам РАН. В работе конференции приняли участие ученые из России, Франции, Великобритании, Италии, Канады и Швейцарии.

На открытии конференции выступили академик РАН, иностранный член Французской Академии надписей и изящной словесности *Г.М. Бонгард-Левин* и сопредседатели Оргкомитета *В. Познер* (Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук) и *Ю.Н. Литвиненко* (ИВИ РАН). Всего состоялось пять заседаний, на которых было заслушано и обсуждено 20 докладов по различным вопросам истории древней Греции, древнегреческой философии, исторической психологии, античной историографии, истории археологии, рецепций античности в русской и зарубежной культуре нового и новейшего времени.

С докладом «Жан-Пьер Вернан о религии греков» выступила *С. Георгуди* (Париж). Она отметила, что в творчестве Ж.-П. Вернана тема греческой религии занимает видное, хотя и не исключительное место. Будучи прежде всего исследователем греческих мифов и трагедии, Ж.-П. Вернан обращается к религии древних греков не только в связи с собственным мифом, но и с целью выявить взаимосвязь социального и религиозного начал. Опираясь на литературные источники, Ж.-П. Вернан исследует характер греческого политеизма, отношения между людьми, героями и богами, роль и место религии в жизни полиса. Автор доклада раскрыла подход Ж.-П. Вернана на примере практики жертвоприношений и приемов дивинации. В заключительной части С. Георгуди затронула ряд новых вопросов и проблем, которые в последнее время появились в работах о греческой религии, и показала, какое влияние на них продолжают оказывать исследования Ж.-П. Вернана.

П. Шмитт Пантель (Париж) предложила вниманию слушателей доклад «Гендерная история в работах Ж.-П. Вернана и П. Видаль-Накэ». Возможно, считает автор, заявленная тема кому-то покажется парадоксальной, поскольку ни Ж.-П. Вернан, ни П. Видаль-Накэ не обращались к ней напрямую. Тем не менее, история гендера в античных штудиях обязана этим двум ученым рядом вопросов и сюжетов, которые они первыми рассмотрели и наметили перспективу для дальнейших исследований в этой области. У каждого здесь был свой подход: Ж.-П. Вернана прежде всего интересовали религиозная практика и мифы, П. Видаль-Накэ в первую очередь изучал социальные практики и представления о них. Впрочем, оба работали с одними и теми же источниками, иногда совместно (греческая трагедия), иногда параллельно, как в случае с гомеровскими текстами, и оба стремились рассмотреть гендерные проблемы в глобальном историческом контексте греческого полиса и политики.

К. Дарбо-Пещански (Париж) в докладе «Историческая психология Жан-Пьера Вернана и проблема поступка» рассмотрела вопрос о том, как Ж.-П. Вернан, причисливший себя к последователям школы исторической психологии И. Мейерсона, разрабатывал понятия личности и индивида, сознания, души, субъекта, категорий мышления и действия, чувств и представлений о смерти, любви и т.д. применительно к античному человеку. Автор полагает, что Ж.-П. Вернан трактовал эти понятия в присущей ему антропологической манере, стремясь

освободить их от импликаций западного мышления и этики, хотя и учитывал теории своих предшественников и современников: Гегеля, Б. Шнелля, М. Фуко и др. На примере поведения и действий героев гомеровской «Илиады» автор показала дальнейшие пути и перспективы исследования, которые открываются работами Ж.-П. Вернана по исторической психологии древних греков.

В докладе С. Муравьева (Гайар, Франция) «Новое о милетцах (Фалесе, Анаксимандре, Анаксимене)» отмечалось, что после классической работы Ж.-П. Вернана о возникновении философии в Греции в VI в. до н.э.¹ долго не появлялось столь же яркого и всестороннего исследования по рассматриваемой проблеме. Однако в последнее время наметился определенный прогресс, заключающийся, с одной стороны, в привлечении данных не только мифологии (пресловутый переход от мифа к логосу), но и мистериальных религий, особенно орфизма, что связано с археологическими открытиями в Ольвии, Сицилии и континентальной Греции (Дервени), а с другой стороны – в возвращении к сугубо историко-философским схемам, отражающим имманентную диалектику саморазвития древнейших философских понятий. Так, недавняя капитальная работа Д. Грэхэма² предлагает новый унитарный подход к развитию всех систем досократовских мыслителей (кроме пифагорейской), в основе которого лежит нестандартная интерпретация учения милетцев. Автор в своем выступлении охарактеризовал указанные подходы, подверг критике некоторые аспекты как вернановской, так и более поздних интерпретаций милетских систем, и предложил более нюансированное и адекватное решение вопроса о природе, назначении, достижениях и недостатках первых философских моделей мира.

Доклад М.Ю. Лаптевой (Тобольск) «Политический строй архаических полисов в представлениях ионийских авторов» был посвящен проблеме личного участия творцов культурного переворота архаического периода – ионийских поэтов, философов и историков в политической жизни, а также их представлениям об устройстве ионийских полисов. В докладе говорилось о прижизненном авторитете ионийских интеллектуалов, их искушенности в решении полных проблем. Автор проанализировал политические взгляды ионийских мыслителей конца архаического периода: Фалеса, Бианта, Гиппонакта, Ксенофана и Гераклита. Особое внимание было уделено их отношению к тирании и олигархии, восточным монархиям, нарождавшимся демократиям и законодательным системам, синойкизму ионийских полисов.

Т.В. Кудрявцева (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Проблема эволюции афинской демократии: власть народа или власть закона?». В нем, в частности, шла речь о том, что в современной науке активно обсуждается проблема эволюции афинской демократии, соотношение государственного строя Афин V–IV вв. до н.э. Некоторые исследователи (М. Хансен, М. Оствальд, Р. Сили и др.) полагают, что в IV в. до н.э. на смену суверенитету народа пришел суверенитет закона. В то же время, по мнению греческих авторов позднеклассических Афин (Платона, Исократы, Аристотеля), вектор развития афинской демократии имел ровно противоположное направление – от власти закона к власти народа. В докладе отмечалось, что современная концепция «власти закона» проистекает из убеждения в родовом единстве прямой и представительной демократий, и приводились теоретические доводы против этого убеждения. Согласно автору, только отказавшись от идеи родства прямой и представительной демократий, можно разрешить трудности и противоречия, в которых запутались современные теории об эволюции афинской демократии.

В докладе С.Г. Карпюка (Москва) «Зима и зимние холода в древнегреческой поэзии и баснях» был поставлен вопрос о том, возможно ли использование сведений, почерпнутых из греческой поэзии и басен, для реконструкции климатических изменений в античную эпоху. С определенными оговорками на этот вопрос можно ответить положительно. Поэзия архаического и отчасти классического периодов (начиная с Гомера и Гесиода) содержит сравнительно много описаний сурового климата, холодной зимы, холодов, снега и мороза. Эллинистическая поэзия (даже учитывая ее более «теплый» климатический ареал), напротив, почти не содержит подобных описаний. Басни Эзопа, детали быта которых относятся к эпохе ранней Римской империи, также свидетельствуют о сравнительно мягком климате. Таким образом, данные древнегреческой поэзии подтверждают общую динамику климатических изменений в

¹ Vernant J.-P. Les origines de la pensée grecque, P., 1962 (русск. пер.: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988).

² Graham D.W. Explaining the Cosmos: The Ionian Tradition of Scientific Philosophy. Princeton, 2006.

Греции в античную эпоху – от сравнительно холодного климатического фона архаического и классического периодов до потепления римского времени.

Доклад Дж. Казертано (Неаполь) «Платоновский *kallipolis*: между небытием и бытием-долженствованием» был посвящен рассмотрению композиционных, стилистических и художественных приемов, с помощью которых Платон создает картину идеального полиса в своем «Государстве». Эту философскую утопию отличают особые точность и подробность описания, которые, однако, не исключают использования различных метафор и художественных образов. По мнению докладчика, в этом смешении логической аргументации и художественного воображения кроется уникальность философского метода Платона. Двойственность характерна и для самой аргументации: в каждом повороте речи Сократа, повествующего о строительстве идеального города на фоне собственных рассуждений о благе, предлагаемые практические решения рассматриваются, с одной стороны, с точки зрения их соответствия конкретным историческим, социальным и политическим обстоятельствам, а с другой – насколько эти решения реализуемы или возможны. Подобная двойственность – свидетельство того, что идеальный полис Платона не является вымыслом мечтателя, чуждым своему времени, как было принято считать начиная с Аристотеля; скорее – это умоэстетическая модель, построенная по принципу восхождения от современной Платону эпохи со всеми ее недостатками (от своего «небытия») к своему «бытию-долженствованию», которое должно примирить и гармонизировать неизбежные различия и противоречия между живущими сообща людьми.

Ж.-Л. Лабарьер (Оксфорд) в докладе «О том, что “зависит от нас”» коснулся проблемы интерпретации понятия «свободы воли» перипатетиком II–III вв. Александром из Афродисия и стоиками. Автор отметил, что полемика, которая велась между ними, заключалась в том, что последователь Аристотеля Александр из Афродисия, не мог принять позицию стоиков, отрицавших, по его мнению, значение «решения» («выбора»), что не соответствовало аристотелевской концепции свободы воли, предполагающей наличие *proairesis*, или «того, что зависит от нас» (*eph' hēmîn*).

Н.В. Брагинская (Москва) в докладе «ПАТНЕМАТА – МАТНЕМАТА, или Как исправление одной буквы породило множество теорий» предложила вернуться к рукописному чтению в определении трагедии у Аристотеля. Наиболее древние и надежные свидетельства рукописной традиции, а также латинский перевод XIII в. Вильгельма из Мербека вместо *katharsin pathematon* предлагают *katharsim mathematon*. Здесь *mathema* значит «наука» (как в выражении «будет ему наука»). Таким образом, учение Аристотеля приобретает обычный для этого мыслителя интеллектуализм: «Трагедия есть воспроизведение поступков (событий)... приводящее через страх и жалость к уразумению (или уяснению) таких (т.е. страшных и вызывающих жалость) уроков». Изгнание этого древнего чтения из изданий «Поэтики» со времен врача-гуманиста В. Тринкавели привело ко множеству объяснений загадки «очищения страстей» и дало импульс к появлению различных теорий искусства, ценность которых не умалется опорой на текст, вполне возможно, тенденциозно искаженный.

А. Лариве (Оттава) в докладе «Мишель Фуко и античная этика заботы о себе» рассказала о том, как М. Фуко трактовал античную идею «заботы о себе» (*epimeleia heautou, cura sui*). Вначале автор рассмотрела, в какой мере тема античности вообще присутствует в творчестве французского философа, можно ли говорить о прямом заимствовании и использовании М. Фуко античной этики, или оно носило критический характер. Этот вопрос выходит на более фундаментальную проблему отношения М. Фуко к античной истории и культуре, в значительной мере детерминированного его отношением к современности, которой он всегда отдавал предпочтение. В заключительной части доклада был приведен ряд высказываний М. Фуко о дружбе как образе жизни (безусловно, навеянных идеями античной *philia*) и сделан вывод о том, что этика «заботы о себе» в понимании М. Фуко не подразумевает ни эгоизма, ни отказа от общественной или политической жизни, в отличие от распространенного среди западных интеллектуалов негативного мнения о «современной культуре заботы о себе».

П. Созо (Монпелье) выступил с докладом «Воины элиты, ночные бродяги и черные охотники в древней Греции: Аристомен, Дамон и “аргосская тысяча”». В нем он попытался расширить, по сравнению с классическим исследованием П. Видаль-Накэ³, географические и хронологические рамки темы «черного охотника» в истории древней Греции. Новым шагом стало и расширение источниковой базы темы: восходящий к архаической эпохе образ «антигоплита-

³ Vidal-Naquet P. Le chasseur noir et l'origine de l'éphébie athénienne // Annales ESC. 1968. 23. P. 947–964 (русс. пер.: Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2003. С. 135–154).

эфеба» рассматривается автором на основе преимущественно поздней традиции. В частности, П. Созо анализирует рассказ Павсания об Аристомене из Мессении, сообщение Плутарха о Дамоне и сведения Фукидида, Диодора и Павсания о «тысяче из Аргоса». Внимание автора привлекают упоминания об элитных отрядах молодых воинов (логадов, лектов, эпилектов, всадников-спартанцев и т.д.), появившихся в IV в. до н.э. на волне возрождения архаических традиций, но уже инкорпорированных в полисную регулярную военную организацию. В то же время, как показывает автор, поздняя античная традиция, продолжая традицию эпохи архаики, описывает эти отряды в мифических образах «черных охотников» – сторонников неупорядоченного и неконтролируемого боя, военных стратагем, сражения не по правилам. Эти образы, полагает автор, – дань общим представлениям о войне и воинах в индоевропейской традиции, как показал в своих исследованиях Ж. Дюмезиль.

В докладе С.М. Перевалова (Владикавказ) «Агональность греческой войны: новая трактовка старой проблемы» разбирается концепция развития греческого военного дела, выдвинутая П. Крентцем⁴. Ее отличительная черта – отрицание агонального характера гоппитской войны архаического и раннеклассического периодов (700–450 гг. до н.э.). П. Крентц считает, что вплоть до персидского нашествия 490 г. до н.э. в Греции доминировал «гомеровский» малоупорядоченный тип войны, а гоппитский военный строй в законченном виде и связанная с ним агональная этика возникли не ранее 460-х годов до н.э. под влиянием пропаганды побед греков над персами. По мнению докладчика, критика П. Крентца действенна в отношении отдельных деталей, но не картины в целом, и недостаточна для того, чтобы сдать в архив теорию агональности греческой войны, среди сторонников которой мы находим многих видных историков, в том числе Ж.-П. Вернана и П. Видаль-Накэ.

О.В. Кулишова (Санкт-Петербург) в докладе «Священные дары в Дельфы: современные интерпретации роли и значения посвящений» обратилась к теме посвящений в Дельфы, которая активно изучается в последние десятилетия на основе социологических подходов. Священные дары, являющиеся важнейшим регулятором отношений человека с миром богов, в современных исследованиях рассматриваются в контексте более общей проблемы обмена дарами в античном обществе – своеобразного механизма социальной интеграции, посредством которого устанавливались социальный мир и спокойствие. Анализируя исследования, авторы которых используют подходы культурной антропологии, докладчик обратил внимание на амбивалентную природу даров в святилище: вещь, отправленная в качестве священного дара, в то же время до известной степени сохраняет связь с посвятителем, в частности посредством фиксации его имени. Поэтому О.В. Кулишова особое внимание уделила разбору сохранившихся в античной традиции свидетельств о попытках изменить и сфальсифицировать посвятельные надписи. В докладе была поднята также проблема роли и функций таких монументальных посвящений в Дельфы, как сокровищницы, находившиеся на территории священного участка.

В докладе И.Е. Сурикова (Москва) «Геродот-“логограф”, или Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания» была предпринята попытка объяснить, почему Фукидид (I. 21. 1), критикуя логографов, имеет в виду Геродота. Геродот воспринимался Фукидидом как логограф, потому что он писал *logoî* в самом прямом значении – «речи». Автор рассмотрел влияние, которое оказал на творчество Геродота и на раннее греческое историописание в целом специфический жанр афинской надгробной речи (*logos epitaphios*), насыщенный тенденциозной исторической тематикой, прежде всего прославлением военных подвигов Афин. Геродот отчасти продолжал именно эту традицию, и его труд в некотором смысле может быть назван большим циклом хвалебных речей о Греко-персидских войнах – речей, с которыми сам историк неоднократно выступал устно в различных полисах Греции.

Доклад А.В. Махлаюка и К.В. Маркова (Ниžний Новгород) «Прошлое и современность в “Римской истории” Кассия Диона» посвящен выявлению особенностей творчества Диона Кассия как выдающегося представителя античной исторической мысли эпохи Принципата. Рассматриваются те конкретно-исторические и социокультурные обстоятельства современного автору периода, интеллектуальные стандарты эпохи Второй софистики и особенности жизненного пути историка, которые могли определять замысел и литературную форму его сочинения, его видение прошлого и настоящего.

⁴ Krentz P. The Strategic Culture of Periclean Athens // Polis and Polemos. Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan / Ed. Ch.D. Hamilton, P. Krentz. Claremont, 1997. P. 55–72; *idem*. Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // Hesperia. 2002. 71. 1. P. 23–39.

В докладе *И.В. Тункиной* (Санкт-Петербург) «Поль Дюбрюкс и его труды» были представлены результаты многолетнего поиска рукописного наследия основателя керченской полевой археологии П. Дюбрюкса, французского роялиста, после революции оказавшегося в рядах армии принца Конде и с 1810 г. осевшего в Керчи. Археологическим исследованиям в Крыму, проводившимся с необычайной тщательностью и кропотливостью, П. Дюбрюкс посвятил четверть века. Он оставил описания и точные обмеры многих археологических памятников античного времени, частично уничтоженных еще при его жизни и полностью исчезнувших впоследствии. Имя П. Дюбрюкса связано также с открытием знаменитого скифского кургана Куль-Оба. И.В. Тункина сообщила, что ею подготовлено к печати собрание сочинений и писем П. Дюбрюкса. Рассеянное по архивам разных стран рукописное наследие этого ученого практически оставалось недоступным для исследователей и впервые будет опубликовано с историко-археографическими, лингвистическими и археологическими комментариями, учитывающими современные достижения в области истории и археологии Северного Причерноморья.

Доклад *О.В. Томашевич* (Москва) «Египтология серебряного века (о В.М. Викентьеве)», целиком основанный на архивных материалах, посвящен забытому на родине русскому египтологу В.М. Викентьеву, жизнь которого почти поровну поделилась между двумя странами – Россией и Египтом. Его научная деятельность и художественная одаренность были созвучны серебряному веку, с творцами которого он был хорошо знаком. Особое внимание в докладе уделено отражению событий начала XX в. в деятельности В.М. Викентьева, влиянию на него модных в те годы оккультных и мистических теорий, а также последующих революционных потрясений, предопределивших жизнь и судьбу этого египтолога.

В докладе «Платон в “Круге” Штефана Георге: интерпретация или культ?» *М. Маяцкий* (Лозанна) показал (на примере так называемого «Круга Георге», интеллектуальной ассоциации, сформировавшейся вокруг немецкого поэта и действовавшей в первой трети XX в.), как в новейшее время рецепция античного наследия может осуществляться и вне традиционных ее пространств. Георгеанское прочтение Платона составляет важную часть антимодернистской, и прежде всего антидемократической и антипозитивистской, идеологии «Круга». Оно носит парадоксальный анахроничный характер: стремится вернуться в форме культа к поклонению античному идеалу и включает его в современный (кризисный, «веймарский») контекст. По мнению докладчика, следует признать, что откровенная тенденциозность георгеанской интерпретации была реакцией на многовековое – от неоплатоников до неокантианцев – интерпретационное насилие по отношению к Платону. Своеобразие платонизма «Круга Георге» заключается в том, что несмотря на беззастенчивое приписывание Платону предуготовленного содержания, участникам «Круга» удалось выявить в его философии черты, сегодня (после долгого сопротивления) признанные очевидными и академическим университетским платоноведением. Среди них – конститутивная роль мифа, центральное значение воспитания и политики, важность эроса, монизм.

В докладе *Ю.Н. Литвиненко* (Москва) «Атлантида и нации: Россия» была предпринята попытка восполнить одну лакуну, заметную в книге П. Видаль-Накэ, посвященной национальным интерпретациям знаменитого платоновского мифа об Атлантиде⁵. В представленном здесь списке европейских стран, где националистические версии мифа, появление которых диктовалось поисками престижных предков и прародин, наблюдались на протяжении последних столетий (начиная с эпохи Возрождения), отсутствует Россия. Автор исследует исторические и культурные истоки русского «национал-атлантизма», возникшего на рубеже XVIII–XIX вв., показывает его специфику (по мнению автора, ее в первую очередь определяла оппозиция «Россия – Запад», сложившаяся еще в эпоху Московского царства) и прослеживает его эволюцию в новое и новейшее время. Особое внимание автор уделил современным националистическим трактовкам темы Атлантиды, ставшим особенно популярными в российском обществе в постперестроечное время.

Конференция, по оценке ее участников, прошла в теплой дружеской атмосфере и на высоком научном уровне. Было принято решение опубликовать ряд докладов в ближайших номерах «Вестника древней истории».

Ю.Н. Литвиненко

⁵ Vidal-Naquet P. L'Atlantide: petite histoire d'un mythe platonicien. P., 2005.